

УДК – 316.334.3:321
ББК – 60

ЗОРИЛЭ Дорина Валентиновна,
кандидат юридических наук,
доцент Юридического отделения Института экономики и менеджмента
ФГБОУ ВО «Российский химико-технологический университет
имени Д.И. Менделеева»,
кафедра государственно-правовых дисциплин (Москва, Миусская пл., д. 9)
e-mail: sorina.dosha.2014@yandex.ru

ФИНАНСОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ Р. ГОЛЬДШЕЙДА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье с позиций историко-правовой науки анализируются взгляды Р. Гольдшейда на теоретические и методологические проблемы соотношения финансового права и истории государства и права. Исходя из единства предмета исследования, но различая задачи исследования этих двух дисциплин, автор выявляет перспективность идей Р. Гольдшейда как методологической основы, но не как идеологической доктрины современной историко-правовой науки.

Ключевые слова: государственное устройство, финансы, налоги, бюджет, военные расходы, государственный долг.

ZORILE Dorina Valentinovna,
Candidate in law, The Juridical section
of the Institute of Economics and Management of the Moscow Chemistry University named
D.I. Mendeleev, the Department of the State Law (Moscow, Miuskaya sq., 9)

FINANCIAL SOCIOLOGY R. GOLDSHEID IN THE CONTEXT OF HISTORICAL-LEGAL RESEARCH

Summary. From the position of the history of law the presented article analyzes the approaches of R. Goldscheid to the theoretical and methodological problems of cooperation of finance law and of the history of state and law. Taking into account the common subject, but different tasks of investigations of two these branches, the author finds out the perspectiveness of Goldscheids ideas as methodological bases of investigations, but not as the ideological doctrine of the contemporary law and state history.

Keywords: state order, finances, taxes, budget, military costs, state debt.

История правового регулирования финансовой деятельности государства, длительное время не являвшаяся самостоятельным предметом науки финансового права, выпадала из поля зрения правоведов, что не позволяло составить полное представление о закономерностях общественного развития. Финансовая социология Р. Гольдшейда способствовала восполнению этого пробела. Присущий Гольдшейду эволюционный подход основан на преходящей ценности доктринальных установок: «Бисмарк пол-

столетия назад считал своим предназначением укрепление единого немецкого национального государства через расширение прав народа, через всеобщее избирательное право, законодательство о защите прав рабочих, поскольку он только так мог справиться с властью сторонников партикуляризма, которые защищаются от расширения национального сознания. Так и сегодня агрессивный национализм играет ту же роль, какую раньше играл партикуляризм» [6, с. 45]. Выдержанная в этом ключе оценка роли национализма и приходя-

щего ему на смену интернационализма Гольдшейда созвучна идеям отцов-основателей конституции 1919 г., ставивших во главу угла национальное единство: «Последнее столетие содержало историю развития к национальному государству. Все нападки, которые сегодня направлены против социалистов и интернационалистов, раньше направлялись против националистов. Ту же роль, которую раньше играл партикуляризм, сейчас взял на себя национализм. Сегодня в век широкой международной взаимосвязанности в экономическом и любом другом отношении национализм сильнее проявляется, чем когда-либо раньше, и это имеет свои причины. Нынешнее время является эпохой завершеного, состоявшегося национализма, в то время как прошлое было эпохой всего лишь развивающегося национализма. Сегодня развивающийся интернационализм стал так же неудержимо идущим к власти принципом, как раньше это было с национализмом. Сегодня из подспудного слоя исторического процесса снова доносится призыв: твое отечество должно стать больше. И снова традиционные силы прошлого сопротивляются этой социологической необходимости развития» [6, с. 70]. В этом пункте ясно прослеживается сходство идей Гольдшейда с постулатами марксизма: «С развитием торговли, земледелия, промышленности, а вместе с тем и социального могущества буржуазии, начинался повсюду подъем национального чувства, а раздробленные и угнетенные нации требовали объединения и самостоятельности» [5, с. 344]. Исходя, так же как и марксизм, из классовой структуры общества, Гольдшейд подметил трансформацию его социальной структуры, объединение работодателей и наемных работников в единую, по его мнению, массу потребителей: «Наступление организованных потребителей преобразует социальную структуру иначе, нежели это до сих пор делала единственно действенная коалиция рабочей массы и среднего класса. Забота об интересах потребителей заставляет осознать далеко идущее совпадение их насущных задач, должно подтолкнуть в свои ряды большую часть всех тех капиталистов, которые за-

интересованы в повышении покупательной способности широких масс. Осознавая тенденцию к концентрации людей как потребителей, развивается сила, которая пытается регулировать свою жизнь также и вне сферы производства и таким образом охватывает ее во всем человеческом существовании» [6, с. 48]. Со свойственным ему эволюционным подходом Гольдшейд считает преходящим феноменом и национальные государства: «Но националистическое сопротивление развивающемуся интернационализму будет таким же напрасным, как партикуляристское сопротивление против развивающегося национализма. Хотя будет неизбежным конфликт между последствиями враждебных отношений народов и имманентными тенденциями социального структурного устройства, от которого поднявшийся до интернационализма национализм наших дней терпит поражение» [6, с. 70].

Идея взаимосвязи государства и экономики не нова, и, в частности, является определяющей в марксизме: «Экономическим воплощением существования государства являются налоги. Экономическим воплощением существования рабочего является заработная плата. Требуется установить, каково отношение между налогами и заработной платой» [3, с. 309]. Однако, в отличие от марксизма, Р. Гольдшейд отводит самостоятельное место именно финансовой составляющей современного государства: «Чему учит уже сама история возникновения государственной казны, королевской казны, регалий, их отчуждения или передачи в залог в моменты нужды, так же как все иные трансформации, которые со временем проделали эти институции. Какое невероятное социологическое значение имеет история возникновения государственных расходов и доходов, показывает история налогов, таможенных пошлин, сборов и иных таких разнообразных платежей в казну государства. Какие глубокие представления о тончайших деталях общественного механизма дает невероятно изменчивая история государственного кредита! По праву можно сказать: нет никакой области истории, которая в каждой клетке своего тела была бы так напитана

кровью, как решающая для судеб народных масс история государственных финансов. Здесь особенно громко слышен пульс жизни народов, здесь находишься прямо у истоков всех социальных бед» [8, с. 2]. Гольдшейд обращает внимание на зависимость государства от крупного частного капитала: «Государственные кассы представляют собой лишь своего рода проводной канал народного достояния. Все то, что государство получает, оно должно потратить на расходы; оно с одной стороны с прибылью возвращает могущественным магнатам капитала то, что оно у них с другой стороны должно забрать. /.../ Все, что оно выжимает в виде прибыли из населения, утекает у государства между пальцев, проглатывается расходами, которые из-за неукротимого удорожания растут быстрее, чем с трудом увеличенные сборы. Другими словами: расходы государства имеют тенденцию к росту почти в геометрической прогрессии, в то время как регулярные поступления в лучшем случае растут в арифметической прогрессии» [7, с. 108]. «Если невозможно препятствовать предпринимателям во все большей мере переводить огромные доходы в цены, которые они должны уплатить в виде публичных платежей, то государство с неизбежностью вынуждено с трудом устанавливать равновесие в своем бюджете за счет изыскания новых источников налоговых поступлений, чтобы справляться с непомерно возросшими расходами, поскольку за все продукты, которые оно должно получить от частного сектора экономики, оно должно платить ростовщические цены. Государство находится в таком же бедственном положении, так как должно обеспечить своим чиновникам, служащим и рабочим жалованье, полностью компенсирующее удорожание, и потому нехватка бюджетных средств становится его перманентным фатумом, кроме того безгранично растущим дефицитом, который выливается во все большую и беззащитную долговую кабалу государства перед капиталом, прочно удерживает его в железных оковах, а заодно с ним всю массу населения» [7, с. 109]. Эти идеи также созвучны марксизму, утверждавшему, что для буржуазии «способ распределения и

взимания налогов, равно как и расходования их, представляет собой жизненный вопрос как благодаря влиянию, оказываемому на торговлю и промышленность, так и потому, что налоги являются той золотой цепью, которой можно задушить абсолютную монархию» [3, с. 310].

Опыт первой мировой войны наложил отпечаток на идеи Гольдшейда, привел его к абсолютизации военного фактора в общественном развитии: «Финансовая история, чей невероятно ценный фактический материал с социологической точки зрения лежит перед нами почти неисчерпанным, ничего не показывает четче, чем преобразующую государство силу всех войн, которая в гораздо большей мере состоит в их преобразующих воздействиях на экономику и в частности на государственные финансы, чем в изменениях границ или в изменениях оборонной организации, которые они имеют следствием. Многочисленные сложности, с которыми приходится бороться государственному бюджету во всех странах, происходят почти исключительно из бесконечно тяжелых финансовых послевоенных тягот, из-за которых государство было вынуждено во все более растущем масштабе одалживаться у частного сектора. В растущей задолженности государства перед частным сектором кроется конечная причина безграничного налогового давления, которое до сих пор приговаривало народ к такой тяжелой судьбе. За счет этого прежде всего возникают отношения, которые так часто из-за перерождения государства в маленькое меньшинство привилегированных, происходящее через перераспределение налогов, позволяли господствующему слою бессмысленную роскошь, самую невероятную и легкомысленную расточительность за счет народа» [8, с. 5]. «Большая часть всех налогов и платежей имеет тенденцию все больше утекать из рук государства к наиболее могущественным крупным капиталистам, магнатам. Государственные кассы являлись по отношению к ним своего рода проводящим каналом. Судя по теперешнему положению вещей иначе и быть не может. Государство до сих пор никогда не стремилось само стать крупным произво-

дителем капитала. Оно всегда было вполне довольно, когда просто не возникал дефицит между текущими расходами и доходами» [8, с. 25]. Здесь снова прослеживается сходство с оценками марксизма: «...буржуа хорошо оплачивает свое государство и заставляет нацию оплачивать последнее, чтобы иметь возможность безнаказанно платить плохо; хорошей платой они обеспечивают себе в лице государственных служащих силу, которая их охраняет, – полицию; они охотно платят и заставляют нацию платить высокие налоги, чтобы иметь возможность безнаказанно перелгать уплачиваемые ими суммы на рабочих в виде дани, в виде вычета из заработной платы» [4, с. 179]. «Подати в виде крови и денег всегда были суверенными средствами, которые позволяли тем, кто умел сделать государство обязанным платить себе дань, рассматривать народ только как коммерческий капитал и угнетать его только для своих интересов. Этой привилегированной позиции иметь возможность избежать принуждения к более высокой доходности государственного и народного бюджета за счет все больших долгов и все более тяжелого налогового бремени, господствующие классы обязаны в первую очередь экономическому обмороку государства из-за беспрестанных финансовых затруднений, которые возникали в результате войн, как и возникающему одновременно с ними смещению в свою пользу отношений собственности. Поскольку только эти слои были в состоянии постоянно обеспечивать государству необходимые авансы в желаемом размере, на этом основании они все более авторитарно могли также в политической сфере диктовать ему свои условия» [8, с. 6]. «Конечно, не всегда государство находилось по отношению к своим гражданам в качестве неимущего. Длительные периоды в большей степени богатство государственной кассы или королевской казны составляло фундамент государства, что все больше толкало его во власть имущих. Как прежде всего войны способствовали процессу классовообразования, упрочивая огромные социальные различия за счет угнетения и лишения собственности побежденного населения, так

прежде всего войны в связи с концентрацией огромных частных состояний одновременно закрепляли прогрессирующее обеднение государства и так со временем способствовали формированию сегодняшнего государства в том виде, в котором оно вынуждено функционировать в духе его сторонников. Господствующие классы могут, поскольку они руководствуются исключительно своими эгоистичными обособленными интересами, не нуждаться ни в каком финансово консолидированном, мощно стоящем на ногах самостоятельном государстве. Такое государство они не смогли бы с такой же прибылью хозяйственно использовать, как современное государство, которое из-за своей финансовой нужды в любом отношении полностью вынуждено выполнять их волю» [8, с. 6]. Гольдшейд анализирует эволюцию функций государства: «При таком долгом бремени, как то, с которым вовлеченные в войну государства сталкиваются после ее окончания, можно утверждать: давно прошло время, когда можно было ограничиваться безмятежными философскими рассуждениями о границах эффективности государства. Государства, которые стали носителями бесчисленных миллиардов негативного капитала (negative Kapitals), уже не позволяют себе деградировать до своего рода государства-ночного сторожа, они с внутренней неизбежностью все больше превращаются из простого вместилища экономики в ее мотор» [8, с. 28]. «Недостаточно знать, что право образует просто надстройку экономики. Следует также констатировать: структура государства, поскольку она развивается и выходит за рамки оборонной структуры (Wehrverfassung), представляет собой прежде всего надстройку государственных финансов. Государственные финансы из-за своей внутренней связи с оборонной организацией (Wehrorganisation) следует рассматривать как реальный движущий мотор государственного устройства. Что означает для отдельно взятого организма равновесие обмена веществ, то же самое означает для государства необходимая тенденция к равновесию между расходами и доходами. Здесь перед нами центр его жизненных

функций. Как в отдельном организме потребности являются первичными факторами для формирования органов, то же наблюдается и в коллективной структуре государства. Финансовые потребности определяют развитие государства. В зависимости от их объема и интенсивности, от происхождения публичных доходов, от цели публичных расходов, устанавливается образ и взаимосвязь тех учреждений, которые в своем объединенном единстве в действии выступают как государство» [8, с. 4]. «Для установления порядка внутренней жизни, для возможности позаботиться о необходимой внешней защите государству нужны значительные средства, которые оно себе добывает через свою финансовую организацию. Из оборонной и финансовой организации состоит внутренняя арматура государства. Работа над его все более прочным и тщательным устройством составляет его главное жизненное занятие. Поэтому повсюду народ рассматривается государством в первую очередь, а во многих случаях почти исключительно как оборонная сила и как источник налогов. Помимо того государство, пока ему закрыт прямой доступ к производящим материальные ценности силам частной экономики, воспринимает народ только как бремя, как напоминающего о своих неудобных требованиях, да и просто как расходную позицию в своем бюджете. Ничто не демонстрирует это яснее чем факт, что настоящую суть парламентских переговоров во всех странах составляет согласование кредитов и рекрутов. Все, что наряду с этим еще становится предметом обсуждения, с точки зрения государственных интересов играет всего лишь относительно подчиненную роль» [8, с. 4]. Такие рассуждения приводят Гольдшейда к выводу: «Аристократически организованные государственные образования не могут в современных условиях длительно существовать в мире. Аристократическая государственная структура и мирная мировая политика взаимно исключают друг друга» [6, с. 25].

Эти рассуждения приводят Гольдшейда к вычленению одного из главных элементов структуры государства: «Главное новое понимание, которое подталкивает нас в этом

направлении, без сомнения убеждение, что мы все еще не достаточно четко и подробно исследовали и освоили отношение государства и экономики. Часто основное внимание направляют почти исключительно на государство как юридическое лицо вместо того чтобы в первую очередь изучать его экономическую обусловленность. Таким образом, при всех усилиях проникнуть в самую суть причин его развития, государство, скорее, пытаются осмыслить из чего угодно, но не из структуры его бюджета. Тщательный анализ государств через призму того опыта, который навязывает теперешняя война, показывает, что существует связь между государством и государственным бюджетом, который следует назвать телом государства, и без ее основательного понимания невозможно получить удовлетворительное представление о наполняющем государство духе» [8, с. 1]. «В какой степени государственный бюджет образует спинной хребет всей государственной структуры, как он являет собой непосредственную доминанту его развития как правовой институт, исходит из исторического факта, что государство и бюджет выступают как синонимичные понятия» [8, с. 4]. «Вся борьба за государственную конституцию растет с тенденцией роста демократического контроля за государственным бюджетом, поскольку с начала в контроле государственных финансов виделось высшее укрепление любого конституционализма, так же как из того, что раньше, наряду с особо привилегированными обладателями налоговых преимуществ, исключительно за налогоплательщиками было признано парламентское избирательное право. Такое положение для многих представительных органов власти сохранилось даже до сегодняшних дней». Гольдшейд подчеркивал: «...насколько велико число важнейших государственных учреждений, которые имеют свое первоначальное происхождение в изменяющихся финансовых потребностях государства. Это имело место в особенности после войн при скачкообразно растущих финансовых потребностях государства, что обосновывало только внутреннюю взаимосвязь между судьбой отдельного человека и общностью, из которой постепенно развилась становящаяся

все более плотной сеть прав и обязанностей гражданина государства». Он указывал на «большое значение проблемы государственных долгов и ее решения в целом для будущей государственной структуры и государственной функции» [8, с. 5]. Гольдшейд излагает свое видение взаимозависимости функций государства и размера казны: «Государство может быть совершенно разным в зависимости от размера расходов, ради которых оно вынуждено искать необходимые источники поступлений. Государство, чьи расходы держатся в относительно умеренных границах, может в гораздо большей мере позволить себе исключительно регулирующие вмешиваться в экономику своей страны. Оно способно проявить более высокую степень объективности по отношению ко всем экономическим сражениям между различными слоями населения, чем государство, которое уже из-за невероятной величины своих финансовых потребностей приговорено к ненасытной жадности, оно должно потакать любой жадности частного сектора, чтобы получить свою долю в доходах частной экономики» [8, с. 27, 28]. Гольдшейд предлагает также свое объяснение природы монополий и налогов: «Все государственные монополии до сих пор функционируют так же, как налоги на цены (Preissteuern) и действовали так же, как своего рода косвенные налоги. Самое парадоксальное: чем справедливее и демократичнее пытались организовать налоговую систему, тем больше посредством этого стимулировалось побочное действие, которое живейшим образом заинтересовывало государство в концентрации капитала в руках немногих. На ум приходит подоходный налог с прогрессивной шкалой, при которой более крупные доходы обременяются большей процентной ставкой, чем меньшие доходы. Эта прогрессивная шкала имеет следствием то, что поступления государства растут тем больше, чем более неравным является распределение доходов среди населения. Поэтому при фискальной ориентации чем справедливее становится налогообложение доходов, тем в большей степени государство должно испытывать желание, чтобы не произошло распыления в распределении доходов, так как большие доходы дают гораздо большие поступления в госу-

дарственную казну, чем небольшие доходы. В современных условиях в этом мы имеем перед собой обратный эффект хваленного справедливого налогообложения» [8, с. 27].

Наиболее плодотворным для методологии историко-правовой науки представляется предложенный Гольдшейдом взгляд сквозь призму финансов на закономерности государственного развития: «Если до сегодняшнего дня финансовая наука, в отличие от финансовой истории, не дает об этом ни малейшего представления, если она, вместо того чтобы быть живейшей и ярчайшей, играющей всеми красками дисциплиной, осталась мертвейшей и серейшей, и кажется не может предложить ничего, кроме сухого цифрового материала, то это имеет причину прежде всего в том, что финансовая наука сильнее, чем кака-нибудь другая дисциплина развивалась под давлением партийно-политических влияний и, несмотря на усилия, несмотря на посвященные ей старания, почти никогда не исходила из того, чтобы претендовать на значительно большее, нежели быть основанной на непосредственном опыте решения исключительно практических ситуационных задач – и даже во многом только обслуживающая техника определенных классов – что она себе не достаточно серьезно поставила цель дать законченную теоретическую систему, которую развивали бы шаг за шагом в объективном исследовательском духе, строили бы на всей совокупности социально-научных знаний своего времени» [8, с. 2, 3]. Переосмысливая узкий подход к финансовой науке, Гольдшейд предпринимает попытку более активного ее включения в систему социальных наук: «Существует хорошо организованная и обширно развитая наука, которая занимается исследованием государственного бюджета, и она уже разработала многочисленные методы для целей тщательного осмысления запутанных проблем государственных финансов. Это финансовая наука». «Но учитывая то, какое место занимает финансовая наука в общей системе социальных наук, мы наблюдаем ее только в ее прежнем отношении к экономической науке, и неоспоримо, что она составляет ее придаток, без того, чтобы описывать ее более тесную связь с ее цент-

ральными вопросами» [8, с. 1, 2]. «Недостает также социологического освещения финансово-экономических проблем. Полностью отсутствует мост между социологией и финансовой наукой, учет влияния соответствующего состояния государственных финансов на общественное развитие в основополагающих социологических трудах, точно так же как в самых авторитетных учебниках финансовой науки напрасно искать систематическое проникновение в социальные причины и влияния когда-то данной структуры государственного бюджета. Самый поверхностный взгляд на данные финансовой истории заставил нас прийти к мысли, что вряд ли есть две области знаний, которые в такой большой степени призваны взаимно обогащать друг друга, образуют неотъемлемое дополнение друг друга, как финансовая наука и социология» [8, с. 2]. «Так сложилось, что финансово-научные проблемы до сих пор рассматривались в отрыве от общекультурной взаимосвязи, в то время как с другой стороны социология надеялась охватить общественные феномены в их глубине, не отдавая себе отчета в их функциональной зависимости от структуры государственного бюджета и последнего от нее. Однако функциональную взаимосвязь между государственными финансами и общественным развитием можно осознать только из точнейшего анализа своеобразия характера государства в каждой исторической фазе» [8, с. 3]. «Поэтому не будет преувеличением сказать, что в правильно осмысленной финансовой науке и особенно в соответственно оцененной финансовой истории следует искать ключ к социологии государства. Другими словами: научно-финансово и финансово-исторически ориентированная социология не должны прозябать в таком же неполном, фрагментарном, неудовлетворительном состоянии, как финансовая наука, которой недостает необходимой социологической ориентации при разработке своих основных проблем. Главнейшие вопросы современной жизни не получают полного освещения, когда не достигнута достаточная научная ясность по поводу той роли в общественном развитии, которую играет государственный бюджет, когда взгляд на взаимоотношения между юридической

структурой государства и экономической структурой государственного бюджета не отражает теоретический фундамент финансовой науки и таким образом не развивает ее до финансовой социологии» [8, с. 3].

Фактологический вывод Р. Гольдшейда, назвавшего войны одним из главных катализаторов развития и трансформации государства и его структур, представляется упрощением, чрезмерно узкой детерминированностью истории человечества. Более важен для развития научного знания методологический вывод из размышлений Р. Гольдшейда, сохраняющий актуальность для современных историко-правовых исследований: история финансов объясняет характер государства и направленность государственной политики: «Одним из открытий финансовой социологии является идея, что государство – не просто технический институт, оно лежит в сердце национальной конкуренции и дискуссии по поводу различных инфраструктурных приоритетов, субсидий, налогов, сборов, таможенных пошлин, тарифов и даже условий, при которых частные банки могут одолжить деньги у центрального банка. Все эти условия жизни, работы, коммерции являются результатом политической борьбы среди различных групп и интересов» [2, с. 52–55]. Можно обобщить: государство представляет собой продукт борьбы интересов различных групп, а налоги – индикатор, «барометр» его состояния, результатов этой борьбы. Подход Р. Гольдшейда получил применение на родине: «Всякая общность открывает свое повседневное лицо в способе финансирования. Покоренное государство покрывает свои потребности за счет военного гнета, хозяйствующее государство – за счет успеха своего производства и торговли, финансирующееся на основе кредитов государство – за счет предваряющего обременения будущего, а государство, черпающее деньги из инфляции – за счет обмана держателей денег. Государство Основного закона, конституции в значительной степени отказывается от таких способов финансирования и решается в пользу налогового финансирования задач публичной власти, то есть в пользу участия государства в успехе частного хозяйствования» [9,

с. 89]. Признание важной роли экономики в развитии государства современного типа не является открытием, однако в то время как марксизм рассматривал финансы в общеэкономическом контексте, Гольдшейд придает им самостоятельное значение, что звучит очень актуально: «Экономическая деятельность возможна в рамках как правового поля, так и вне. В свою очередь, нормы права, регулирующие экономическую деятельность, могут носить характер как императивный (опосредовать публичный интерес), так и диспозитивный (опосредовать частный интерес). Если же обратиться к вопросам финансовой деятельности и финансового права, то учеными давно сделан вывод о том, что финансовая деятельность невозможна вне правового поля (например, налогоплательщик никогда не перечислит налога, если не будет нормы права, строго принуждающей его к этому действию). Следовательно, можно утверждать, что в этом случае право (финансовое) первично в отношении финансов государства и финансовой деятельности. Именно нормы финансового права, будучи концентрированным выражением финансовой политики государства (как носителя суверенитета), лежат в основе финансовой деятельности и приводят в действие финансовую систему страны» [1, с. 63, 64]. Избавление от исторической мифологии в общественных науках на базе привлечения данных смежных отраслей правоведения, при всей своей отвлеченности от реальности, дает вполне осязаемые, часто заранее не планируемые, но вполне прикладные результаты.

Список литературы:

- [1] *Ашмарина Е.М.* От финансового права – к экономическому // Государство и право. 2011. № 11.
- [2] *Захарьин П.А.* Фискальная социология: взгляд на налоговую политику государства // Теория и практика общественного развития. 2012. № 10.
- [3] *Маркс К.* Морализирующая критика и критицирующая мораль // Маркс, Энгельс. Сочинения. Издание второе. М., 1955. – 615 с.
- [4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Том 1. Избранные сочинения в 9 томах. Том 2. М., 1987.

[5] *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории. Написано в конце декабря 1887 – марте 1888 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения в 9 томах. Том 6. М., 1987. – 664 с.

[6] *Goldscheid R.* Das Verhältnis der ausseren Politik zur Inneren. Ein Beitrag zur Soziologie des Weltkrieges und Weltfriedens. 3. Auflage. Wien-Leipzig. 1915. – 71 с.

[7] *Goldscheid R.* Sozialisierung der Wirtschaft oder Staatsbankrott (Ein Sanierungsprogramm). Vierte und funfte Auflage. Leipzig – Wien, 1919. – 128 с.

[8] *Goldscheid R.* Staatssozialismus und Staatskapitalismus. Ein finanzsoziologischer Beitrag zur Lösung des Staatsschulden-Problems. Vierte und funfte Auflage. Wien-Leipzig, 1917.

[9] *Isensee/Kirchhof (Hrsg.)* Handbuch des Staatsrechts. Band IY. Finanzverfassung – Bundesstaatliche Ordnung. Heidelberg, 1990.

Spisok literatury:

- [1] *Ashmarina E.M.* Ot finansovogo prava – k ekonomicheskomu // Gosudarstvo i pravo. 2011. № 11.
- [2] *Zaxar'in P.A.* Fiskal'naya sociologiya: vzglyad na nalogovuyu politiku gosudarstva // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2012. № 10.
- [3] *Marks K.* Moraliziruyushhaya kritika i kritiziruyushhaya moral' // Marks, E'ngel's. Sochineniya. Izdanie vtoroje. M., 1955. – 615 s.
- [4] *Marks K., E'ngel's F.* Nemeckaya ideologiya. Tom 1. Izbranny'e sochineniya v 9 tomax. Tom 2. M., 1987.
- [5] *E'ngel's F.* Rol' nasiliya v istorii. Napisano v konce dekabrya 1887 – marte 1888 g. // K. Marks, F. E'ngel's. Izbranny'e sochineniya v 9 tomax. Tom 6. M., 1987. – 664 s.
- [6] *Goldscheid R.* Das Verhältnis der ausseren Politik zur Inneren. Ein Beitrag zur Soziologie des Weltkrieges und Weltfriedens. 3. Auflage. Wien-Leipzig. 1915. – 71 с.
- [7] *Goldscheid R.* Sozialisierung der Wirtschaft oder Staatsbankrott (Ein Sanierungsprogramm). Vierte und funfte Auflage. Leipzig – Wien, 1919. – 128 с.
- [8] *Goldscheid R.* Staatssozialismus und Staatskapitalismus. Ein finanzsoziologischer Beitrag zur Lösung des Staatsschulden-Problems. Vierte und funfte Auflage. Wien-Leipzig, 1917.
- [9] *Isensee/Kirchhof (Hrsg.)* Handbuch des Staatsrechts. Band IY. Finanzverfassung – Bundesstaatliche Ordnung. Heidelberg, 1990.